

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЖАЛОСТИ

Каргапольцев С.М.

ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет», г. Оренбург

Переживания жалости, будучи предельно атрибутивными эмоциональной *целостности* человеческой жизни, столь же неотъемлемо присутствуют и в содержательно-смысловой плоскости ее педагогического опосредования, прежде всего, в части способствования глубинному укоренению в сердечно-душевной, личностной сфере (растущего) человека идеалов человечности, милосердия и любви.

В культурно-образовательном наследии метафорически подтверждающей афористики можно выделить пронизательные суждения «знатоков человеческих душ» – Д. Чосера («В высоких душах жалость частый гость...» [10, с. 185]), П. Корнеля («Ранимы жалостью высокие сердца, участие к слабому – не слабость храбреца» [10, с. 255]), а также опереться на поучительный опыт народной мудрости: «Сердце не камень. Человек жалюю живет» [6, с. 525].

В педагогически значимом отношении переживания жалости понимают эмоциональной формой проявления *гуманных* чувств, в которых «выявляется доброжелательное и чуткое отношение человека к человеку» (Е.И. Кульчицкая) [14, с. 70], включают в номенклатуру чувств «этической группы» (М.М. Манасеина), в содержании которых неотъемлемо присутствует «примесь надежды на осуществление, достижение, существование того или иного экстериоризованного, т.е. перенесенного из личного «я» человека во внешнюю социальную среду общечеловеческого идеала» [18, с. 266].

Многие из знаменитых представителей рода человеческого в полной мере олицетворяли высокий «идеал общечеловеческий», были *жалостливы* к окружающим. Так, Гераклита называли «плачущим философом»; когда тот выходил из дома и видел вокруг себя великое множество *дурно живущих людей*, он плакал, жалея всех [цит. по 7, с. 72]. В самооценочном контексте рассуждений о жалости М. Монтень отмечал: «Мне свойственна чрезвычайная склонность к милосердию и снисходительности» [20, с. 14]. Великий русский ученый М.В. Ломоносов «был, видимо, к «сиротам податлив»: получив в заведение академическую гимназию и увидев состояние учеников ее, голодных и разутых, он, 47-летний профессор, плакал над ними» [цит. по 27, с. 22]. Наш современник, педагог высокой гуманности С.Л. Соловейчик в автобиографической «Последней книге» писал о себе: «Я умею только жалеть... Да и вообще людей жалко. В принципе» (гл. 9) [28].

Этимологические обращения раскрывают не только изначальную отнесенность чувства жалости к сфере отрицательных (негативных) переживаний (др. русская корневая основа «жел-» – печаль, скорбь), но и утверждают предельно отторгающий негативизм сопутствующих телесных (интерорецептивных) ощущений: «испытывать боль», «очень болеть, жалить», «колоть», «мучение», «мучаю, терзаю» [5]; часто жалость физически

переживают, испытывая дискомфорт, томительное беспокойство, спазматическое сжатие внутри [15, с. 328]. С «болевого» точки зрения эмоциональные переживания жалости в наибольшей степени являются, согласно образному определению Л.М. Веккера, «наиболее плотскими, соматичными, объективно физиологически выраженными» и, вместе с тем, выступают «наиболее субъективно психологичными психическими явлениями, ближе всего примыкающими к самым интимным тайникам структуры субъекта как носителя психики» [4], поскольку «содержание переживания боли» является «признаком жизни, присущим самому живому существу» (Г.С. Абрамова) [1, с.192].

Как полагал Л.Е. Оболенский, жалость есть «своеобразная боль за другого». Это не простая со-боль, но именно *боль за другого*, когда можно сказать, как говорила М. де Савиньи своей дочери: «Когда ты кашляешь, у меня болит *твоя* грудь» [21, с. 74].

В обозначенном «структурно-примыкающем», глубинном отношении следует отметить «болевые», точнее, *душевно-болевые* акцентуации (феноменологии) ощущения/понимания чувства жалости: жалеть – значит «болеть сердцем» (В. Даль) [9, с. 252]; за жалостью всегда стоит боль, душевная боль (Н.И. Козлов) [13], т.е. боль, в понимании Л.М. Веккера, «идущая откуда-то изнутри, а не прямо из самого тела», «не соматическая, а именно душевная или психическая» боль, переживаемую специфику которой ученый именуется «парадоксальным» словосочетанием «нетелесная телесность» или «телесная нетелесность» [4]. В обозначенном душевно-проявляемом (явленном) ракурсе «нетелесного» причинения «то, что болит без причины, по определению есть душа» (М.К. Мамардашвили) [17, с. 206].

С этой точки зрения педагогическое культивирование жалости в растущем человеке есть способствование процессу его «душестановления» как переживаемого обретения своей подлинной, внутренней природы, человеческого «нутра», где определяющим фактором выступают механизмы подражания, прежде всего, лицевого, поскольку в значительной степени «ускользающее» от «контроля логического мышления» и «критической оценки воспроизводимых действий» подражательное «усвоение стереотипов поведения и нравственных норм» представляет «прямой путь к сфере подсознания» (П.В. Симонов) [26, с. 28]. Имитационное наблюдение олицетворенных (лицепредставленных) примеров действенных проявлений жалости, подаваемых, прежде всего, значимыми другими, подражательное научение человечности запечатлеваемо (подсознательно) «впитывается» в «нетелесную телесность» становящейся души, «болеющей» о другом.

При этом важнейшим фактором глубинного (душевного) «отложения» и сердечного запечатления выступает лицевое уподобление соответствующей экспрессии субъекта проявляемой жалости, равно как и становление соответствующей генерализированной (эстетической) «установки на лицо другого» (А.А. Ухтомский) [33, с. 411], формирование гуманизирующей способности «видения мира с лица» (М.М. Пришвин) [цит. по 19, с. 69]: как отмечает Е.И. Кульчицкая, «внимание детей, проявлявших безразличие к

человеку, очень редко фиксировалось на проявлениях эмоций у окружающих» [14, с. 85].

В этом отношении подчеркнем следующий педагогически значимый факт: В.А. Сухомлинский мечтал о «школах сердечности» и радовался, когда его воспитанники стали сострадательно «всматриваться в глаза окружающих людей, стали в них видеть и чувствовать человеческие страсти» [31, с. 45].

Кроме того непосредственная доступность взору, предметная наглядность (объекта/субъекта) жалости выступает значимым побуждающим фактором ее возникновения:

- жалость в сильной степени зависит от *близости объекта и даже от его доступности взору*, а это является доказательством того, что она происходит из воображения (Д.Юм) [35, с. 506];

- жалость: одно из проявлений симпатии, вызываемое тем или иным *видом* страдания (З.К. Столица) [29, с. 23];

- чувство жалости не следует вызывать вначале одними только трогательными рассказами, а следует показывать *живые примеры*, т.е. водить ребенка к бедным, поручить ему уход за больным животным, чтобы он научился *дейтельно* сочувствовать (В. Гардер) [8, с. 70].

Повторяемость поведенческо-действенной конкретики проявлений жалости способствует ее восхождению на природно-глубинный уровень «душевной» привычки «трогаться» болью другого («Привычка – вторая натура»): «Социальные навыки, подобно всем прочим, должны быть упражняемы, а способ их упражнения состоит в направленном удержании внимания на нуждах других людей... Наиболее простая и ясная форма этого упражнения состоит в *возбуждении сожаления видом* очевидной нищеты... Путем таких упражнений развивается привычка интересоваться окружающими нас *лицами*» (А. Бэн) [2, с. 346; 3, с. 365].

В обосновании подражательно-лицевой значимости «душевных» механизмов становления жалости подчеркнем тот факт, что все (или, почти все) социальные чувства индивидуально обретаются вследствие лицевого подражания (усвоения, присвоения) соответствующей экспрессии (значимого) другого. В этом случае возникает необходимость разрешения важнейших задач воспитания жалости в формообразующей логике следующих этапов: «а) осознание ребенком собственной боли; б) понимание им выразительных движений, соответствующих боли» [14, с. 79], как «своей», так и боли «другого». Поэтому «начиная с дошкольного возраста (6-7 лет) следует фиксировать внимание детей на тех, кто нуждается в помощи и заботе, побуждать оказывать людям помощь и, тем самым, формировать (способствовать формированию) чуткость и заботливость как черту характера» [16, с. 312], поскольку «присущие детям в определенном возрасте бесчувственность и жестокость имеют в своей основе неспособность ребенка *связать* внешние признаки состояния другого с аналогичным собственным состоянием и характерной для него экспрессией (Е.И. Кульчицкая; П.В. Симонов) [14, с. 84; 25, с. 54].

В этом отношении велика роль изобразительных и, главным образом,

исполнительских видов искусства, в особенности, музыки («лицевого восприятия музыки» [12].

Категория «душевной боли» доминирующе присутствует при определении жалости в едином синонимическом ряду сострадания, сочувствия и участия – «чувство по отношению к другому человеку, какое бывает, когда, считая, что этому человеку плохо, субъект ощущает от этого душевную боль и желание облегчить его положение» (И.Б. Левонтина) [15, с. 327]. Не случайно глагол «участвовать» имеет одним из своих значений «жалеть, стремиться помочь кому-либо», а поведенческие атрибуты переживаний жалости выступают ее сущностной характеристикой.

В этом, действенно-побуждающем и педагогически центрированном понимании можно согласиться с В.С. Соловьевым, согласно которому именно жалость («действительное сострадание») как чувство «чисто-альтруистическое, не своекорыстное», а отнюдь не «со-радование или сонаслаждение» – чувство «смешанного и не определенного (в нравственном смысле) характера» – являет собой «внутреннее основание нравственного отношения к другим существам», «индивидуально-душевный корень должных социальных отношений», утверждающих «признание за другим собственного (ему принадлежащего) значения – права на существование и наибольшее благополучие» [6, с. 36,39,40,166]. Душевное боление за другого представляет собой одно из атрибутивных личностных качеств, делающих человека человеком, поскольку «страдание и боль», выступая «важнейшим предметом жалости» (М.Н. Эпштейн) [34], «всегда обязательны для широкого сознания и глубокого сердца» (Н.А. Бердяев) [цит. по 1, с. 74].

Не случайно уже в самых началах своего осмысления была осознана неразрывная, педагогически значимая связь переживаний жалости с проявлениями *любви*, любящего отношения к широко понимаемому другому: «Не приучайте же вашего воспитанника взирать с высоты своего величия на страдания несчастных, на тяготы горемык, и не надейтесь научить его жалеть их, если он будет считать их *чуждыми себе*» (Ж.Ж.Руссо) [24, с. 212]. А потому «жалость имеет отношение к благожелательству... в силу естественного и первичного качества [нашего духа] благожелательность связана с любовью... (Д. Юм) [35, с. 426].

Однако еще Платон отмечая, что «при любви к людям естественна жалость», относил переживания жалости к «кротким», т.е. не «диким», а «необходимым», свойственным собственно человеку «естественным» аффектам, которые «естественны для него, пока остаются умеренными, так как при неумеренности ведут к извращению» [9, с. 471].

Следует подчеркнуть векторно-степенной фактор направленности и чрезмерности, который переводит возвышенную благородность переживаний жалости в нравственно негативную, осуждаемую плоскость – «Жалость унижает, и себя, и другого».

Что касается «другого», то жалость, дарованная любимым человеком в своей «чрезмерности» напротив, возвышает его, придает жизненные силы. Так, первые, «отрицающие» строки известного стихотворения А. Ахматовой – «Я

не любила с давних дней, чтобы меня жалели» получают свое характерное, «отлюбовное» продолжение – «А с каплей жалости твоей иду, как с солнцем в теле. Вот отчего вокруг заря. Иду я, чудеса творя, вот отчего!»

Одним из видов «извращения» жалости является *неумеренное* проявление этого чувства по отношению к себе («жалость к себе»).

Однако при этом речь не может идти о совершенном, абсолютном и категорическом отрицании самой возможности проявления жалости к самому себе, поскольку разрушается переживаемая целостность эмоционального мира человека, в особенности, человека растущего. Не случайно, подчеркивая изначальную природность чувства жалости, осуждается факт чрезмерности (постоянства, «всегдашности») ее проявления: «Жалость к себе кажется нам таким естественным чувством, и многие люди постепенно привыкают жаловаться. Им хочется, чтобы их пожалели. Это естественное чувство; но бывают люди, которым хочется, чтобы их *всегда жалели*» что способствует формированию привычки «добиваться своего, вызывая жалость» (С.Л. Соловейчик) [28].

В.А. Сухомлинский, обращаясь к воспитанию силы духа, и предупреждая молодого человека – «больше всего бойся жалеть себя», тем не менее осудительно говорить о недостойности «чрезмерной» жалости к самому себе [32].

Проницательный Б.М. Бим-Бад, совершенно справедливо указывая в числе факторов воспитания «потенциального убийцы» формирование в ребенке «томной, жгучей, неизбежной жалости к себе», вместе с тем относит к числу социально значимых воспитательных целей задачу «оптимизации» (т.е. не абсолютного отрицания или категорического неприятия!) жалости людей к себе [22, с. 488,74]. Более того, возможно, что оптимальная (т.е. не превышающая, не «затмевающая» другоодоминантной сердечности соответствующего отношения к другому) жалость к себе, выступает одной из характеристик должного облика/образа человечности, что отраженно присутствует в содержании народной мудрости: «Жалок тот, кто не умеет пожалеть себя» (В. Даль) [9, с. 525].

Все это свидетельствует о многогранной сложности воспитания жалости как важнейшего гуманистического качества личности растущего человека, обуславливает бережную чуткость и любящую мудрость в качестве значимых факторов педагогической инструментальности этого процесса, с необходимостью учитывающих выразительные, эстетические, преимущественно лицевые векторы формирующего опосредования и развивающих интенций.

Список литературы

1. Абрамова, Г.С. *Возрастная психология : учеб. пособие для студ. вузов / Г.С. Абрамова.* – 4-е изд., стереотип. – М. : Изд. центр «Академия», 1999. – 672 с. ISBN 5-7695-0303-3.
2. Бэн, А. *Игра мотивов: эмоции, или душевные движения* // Бэн, А. *Воспитание как предмет науки / А. Бэн ; пер. с англ. Ф. Резенера.* – СПб. : Изд. книгопродавца Карла Риккера, 1879. – С. 54-86.

3. Бэн, А. Нравственное воспитание // Бэн, А. Наука воспитания / А. Бэн ; полн. пер. с англ. – СПб. : В тип. В.Безобразова и К°, 1881. – С. 354-379.
4. Веккер, Л.М. Психика и реальность. Единая теория психических процессов / Л.М. Веккер. – М. : Смысл, 1998. – 685 с. : [электронный ресурс] : режим доступа: <http://www.koob.ru>
5. Викисловарь : [электронный ресурс] : режим доступа: <https://ru.wiktionary.org/wiki/>
6. Владимир Соловьев. Оправдание добра / В.С. Соловьев ; отв. ред. О.А. Платонов. – М. : Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. – 656 с. – ISBN 978-5-4261-0002-2.
7. Волков, Г. У колыбели науки / Г. Волков. – М. : Молодая гвардия, 1971. – 224 с.
8. Гардер, В. Чувствования // Гардер, В. Записки по педагогике / В. Гардер. – СПб. : Тип. насл. А.М.Менделевича, 1910. – С.50-80.
9. Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка / В. Даль. – Т.1. А – З. – 1981. – 699 с.
10. Золотая Энциклопедия Мудрости. – М. : РООССА, 2014. – 608 с. – ISBN 978-591926-334-0.
11. История социальной педагогики: Хрестоматия-учеб. : Учеб. пособие / Под ред. М.А. Галагузовой. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. – 544 с. – ISBN 5-691-00313-5.
12. Каргапольцев, С.М. Всмотритесь музыке в лицо.../ С.М. Каргапольцев // Университетский округ. – 2005. – № 9. – С. 37-40.
13. Козлов, Н.И. Жалость и готовность пожалеть – это хорошо? / Н.И. Козлов : [электронный ресурс] : режим доступа : http://www.psychologos.ru/articles/view/zhalost_i_gotovnost_pozhalet_-_eto_horosho_vop_zn_
14. Кульчицкая, Е.И. Генезис гуманных чувств детей // Воспитание учащихся в духе коммунистического гуманизма. Ученые записки Московского областного педагогич. ин-та им. Н.К.Крупской / Е.И. Кульчицкая, – Т. 201. Педагогика. Вып. 14. – М., 1968. – С. 70-87.
15. Левонтина, И. Б. Жалость, сочувствие, сострадание, участие // Апресян, Ю.Д. (рук.) Новый объяснительный словарь синонимов русского языка: Проспект / И.Б. Левонтина. – М.: Русские словари, 1995. – С. 220-231. – ISBN 5-94457-159-4.
16. Люблинская, А.А. Чувства // Люблинская, А.А. Детская психология. Учебное пособие для студентов педагогических ин-тов / А.А. Люблинская. – М. : Просвещение, 1971. – С. 303-329.
17. Мамардашвили, М.К. Как я понимаю философию / М.К. Мамардашвили. – М. : Прогресс-Культура, 1992. – 412 с. – ISBN 5-01-002570-1.
18. Манасеина, М. Основы воспитания с первых лет жизни и до полного окончания университетского образования / М.М. Манасеина. – Вып. 5А. Воспитание чувств, настроений, характера, воли, самообладания, нравственности, совести и эстетического отношения в человеке (до 8 лет). – СПб. : Тип. Е.Евдокимова, 1899. – 404 с.
19. Мелик-Пашаев, А.А. Личность и эстетическое отношение к

- действительности / А.А. Мелик-Пашаев // Коммунист. – 1984. – № 3. – С. 67-78.
20. Монтень, М. Опыты / М. Монтень. – Т. 1. – М. : Изд-во Эксмо, СПб.: Terra Fantastica, 2003. – 832 с. – ISBN 5-699-04214-8.
21. Оболенский, Л.Е. Развитие чувствований и опыт их классификации (психофизиологический этюд) / Л.Е. Оболенский. – СПб. : Изд. ж-ла «Русское богатство», 1884. – 82 с.
22. Педагогическая антропология: Учебное пособие / Авт.-сост. Б.М. Бим-Бад. – М.: Изд-во УРАО, 1998. – 576 с.
23. Платон. Диалоги / Пер. с древнегреч.; сост., ред. и авт. вступит. статьи А.Ф. Losev; авт. примеч. А.А. Тахо-Годи. – М. : Мысль, 1986. – 607 с.
24. Руссо, Ж.Ж. Эмиль или О воспитании / Ж.Ж. Руссо ; пер. с фр. М.А.Энгельгардта. – СПб. : Изд-во газ. «Школа и жизнь», 1912. – 491 с.
25. Симонов, П.В. Эмоциональный мозг / П.В. Симонов. – М.: Наука, 1981. – 100 с.
26. Симонов, П.В. Мотивированный мозг / П.В. Симонов. – М. : Наука, 1987. – 272 с.
27. Соловейчик, С. Час ученичества / С.Л. Соловейчик. – М. : Детская лит-ра, 1970. – 256 с.
28. Соловейчик, С.Л. Последняя книга : [электронный ресурс] : режим доступа: <http://1001.ru/books/item/27> – 19.12.2015.
29. Столица, З.К. Развитие в детях жизнелюбия и борьба с пессимизмом / З.К. Столица. – С.Петербург и Москва : Изд-во т-ва М.О.Вольф, 1912. – 82 с.
30. Сухомлинский В.А. Письма к сыну. М.: Просвещение, 1979. 96 с. [электронный ресурс] : режим доступа: <http://nsportal.ru/node/21540/2011/11/sukhomlinskiy-v-a-pisma-k-synu> – 19.12.2016.
31. Сухомлинский, В.А. Этюды о коммунистическом воспитании / В.А. Сухомлинский // Народное образование. – 1967. – № 2. – С. 38-46.
32. Сухомлинский, В.А. Как воспитать настоящего человека / В.А. Сухомлинский. – [электронный ресурс] : режим доступа: <http://nsportal.ru/node/21540/2011/10/sukhomlinskiy-va-kak-vospitat-nastoyashchego-cheloveka> – 19.12.2015.
33. Ухтомский, А.А. Письма (1927-1941) / А.А. Ухтомский // Пути в незнание. – М.: Советский писатель, 1973. – Сб.10. – С. 371-435.
34. Эпштейн, М.Н. Четыре стороны любви. Жалость // Топос. Литературно-философский журнал. – 2005. – № 12. : [электронный ресурс] : режим доступа: <http://www.topos.ru/article/4269> – 19.12.2015.
35. Юм, Д. Трактат о человеческой природе, или попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам // Юм, Д. Сочинения в 2-х томах / Д. Юм. – Т. I. Кн. 2-я. Об аффектах. – М. : Изд. соц-эк. лит-ры «Мысль», 1966. – С. 401-598.